

А. А. Попов

Материалы по родовому строю долган

ДОЛГАНЕ — малочисленная племенная группа, говорящая на особом диалекте якутского языка, обитает в восточной части Таймырского национального округа, на территории, расположенной между рр. Енисеем, Хатангой и Анабаром и ограниченной с севера Северным Полярным морем, с юга р. Хетой. Указанный район занимает пространство в 110 000 кв. км. Населяют его, кроме долган, затундренные крестьяне, тунгусы и тавгийцы в количестве 2430 человек, таким образом, на один кв. километр приходится 0.02 человека. В административном отношении сюда включаются целиком районы: Норильский, Волосянский и западная часть Хатангского.

Территориально примыкают к долганам следующие тунгусские группы: Боганидская, включающая в себя род Карантую или Карынтую (Karantuo или Karыntuo), в настоящее время совершенно одолганившийся и только числящийся тунгусским; Волосянская группа, включающая роды: Тембегир (Tembegir), Ялигир (Jaligir) и Боягир (Bojagir); Норильская группа, включающая роды Гуораагир (Guoraagir), Иелоагир (Jelagir), Угдекагир (Ugdekagir), Топтыгир (Тортъгир), Диекчаан (Dieksean) и Усыылка (Uһьылка).¹

Ничем от долган не отличаются потомки пришлых русских, так называемые „затундренные крестьяне“, перенявшие долганский диалект обычай и получившие их общий физический тип. Живущие в этом районе якуты, которым долгане обязаны потерей своего родного языка, по бытовым особенностям сильно отличаются от основного населения Якутской Автономной Республики.

По данным экономического учета 1930—1931 гг., по данным весьма относительным, численность населения между рр. Енисеем и Хатангой, за исключением 795 тавгийцев и норильских тунгусов, по которым не удалось получить сведений, выражалась в следующих цифрах (см. табл. на стр. 117).

Кончая на этом необходимые краткие вводные сведения по долганам, начнем описание их социального строя с двух исторических преданий. Первое из них следующее:

¹ Долганские слова в настоящей статье записаны в Якутской транскрипции.

Национальные советы	Собственно долган			Затундренных крестьян			Затундренных якутов			Тунгусов		
	м.	ж.	ообоого пола	м.	ж.	ообоого пола	м.	ж.	ообоого пола	м.	ж.	ообоого пола
Норильский	35	26	61	17	11	28	—	—	—	—	—	—
Волосянский	38	48	86	—	—	—	2	2	4	59	57	116
Верхне-Долганский	39	45	84	36	34	70	90	102	192	24	26	50
Затундринский	10	16	26	1	1	2	163	163	326	27	39	66
Хатангский	41	39	80	31	38	69	122	129	251	—	—	—
Заречно-Долганский	54	58	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	217	232	449	85	84	169	377	396	773	110	122	232

„Муос Кирис имел двух братьев, сам же он был хорошим охотником. Муос Кирис, уходя на охоту, оставлял мать одну. Сыновья старухи все были отличными стрелками. Стеляя из лука, направляя стрелу прямо в голову дикого оленя и пробивая насквозь, убивал его. Вот какой был человек Муос Кирис! Голова же дикого оленя настолько крепка, что ее не может пробить даже и свинцовая пуля.

Вот когда он (Муос Кирис) ушел на охоту, чум его матери окружили разбойники (саццтар) — тунгусы. Средний сын старухи выдернул одну жердь из чума, очистил ее от коры и выскочил на улицу. Чум его был окружен десятью разбойниками. Он бросил на них жердь, прыгнул с обрыва (на котором стоял чум) и притаился. Разбойники думали, что он уже разбился на смерть, не обратили никакого внимания и вошли в чум, там убили младшего брата Муос Кирис'а и стали есть его мясо, разрезая тело на кусочки. Когда добрались до костного мозга, спросили у матери: «Отчего это у твоего сына такой невкусный мозг?». На это старуха ответила: «Десять лет тому назад в страшный голод мой сын сильно исхудал, с тех пор он не поправлялся». Когда управились с телом убитого, один из разбойников вышел на улицу: Вблизи чума Муос Кирис'а росло большое дерево, разбойник обмазал его кровью сердца убитого и сказал его матери: «Меня зовут Чемтире, вот я обмазал кровью дерево, пусть твой сын Муос Кирис, придя сюда, расчувствовавшись, пожалев сердцем, отомстит мне за своего брата». После этого разбойники ушли.

Придя домой и узнав о случившемся, Муос Кирис собрался отомстить разбойникам и сказал своему шаману: «Ты ведь шаман: посмотри во сне, мы задумали отплатить Чемтире». На это шаман сказал: «Мы сможем догнать и отомстить Чемтире, если найдем его большую душу» (ulakan kutun). Я ставляю палы по реке дикого оленя (духа) его шамана, хорошо будет, если вы убьете его». После этого Муос Кирис, вместе с шаманом и братом в сопровождении шести человек, отправился по следам разбойников, сказав матери свое последнее завещание.

В пути брат Муос Кирис'а отстал. Тогда Муос Кирис рассердился и бросил в него камень. Этого брата звали Юнгкябияль (Jungkeebil). Муос Кирис подумал, что уже прикончил брата, как вдруг тот догнал его. Муос Кирис рассердился: «Ныне ты так не поступай», связал ему руки и, отойдя на некоторое расстояние, выпустил в него три стрелы. Ни одна из них не попала в Юнгкябияля, так ловко увертывался он. Тогда Муос Кирис сказал: «Ты, вероятно, будешь хорошим человеком (в смысле силы и ловкости)» и развязал его.

Через некоторое время шаман обратился к своим спутникам: «Успевайте стрелять, я привел душу Чемтире, смотрите же не вспугните», и указал на птичку, сидевшую на верхушке дерева. Муос Кирис выстрелил и промахнулся. После него выстрелил Юнгкябияль, стрела его вонзилась в шею птички. Птичку изжарили на рожне и съели.

Чемтире жил за озером. Когда подошли в этому озеру, шаман Муос Кирис'а заставил плыть по озеру дикого оленя (духа) шамана Чемтире. Оленя убили стрелами и устроили богатое пиршество.

Чемтире, очевидно, готовился к встрече гостей, в его стойбище раздавались звуки бубна. Шаман Муос Кирис'а напустил густой туман, под его прикрытием люди подкрались к самому стойбищу Чемтире. Чемтире, оказывается, сидел на высоком лабазе (агапас), наготове держа в руках лук и стрелы. Шаман Чемтире, камлая, говорил: «Муос Кирис придет сюда через три дня». Услыдав это, люди Муос Кирис'а выскочили и стали драться. Испугавшись от неожиданности, Чемтире выронил на землю одну из трех стрел. Вторую, оставшуюся (в руке) пустил в поясицу Муос Кирис'а, другою убил одного из его людей и пустился за убегающим Муос Кирис'ом.

Оставшись, Юнгкябияль перебил всех людей Чемтире и догнал своего брата на расстоянии трех кочевков, блюющего кровью. Тот, неудачно рассчитав, прыгнув, попал в воду и увяз до самой поясицы. Его уже догонял Чемтире, когда стрела Юнгкябияля прострелила последнему толстое сухожилие спины. Чемтире оглянулся и бросил в Юнгкябияля нож, но не попал в него. Юнгкябияль подбежал к Чемтире, тот обратился к нему: «Ну-ка поговорим. Пусть это место назовется местом падения вниз (уцкен). Пусть Муос Кирис отрубит мне голову пальмой. Если бы у меня было оружие, я бы сумел еще постоять за себя». Муос Кирис подошел, ударил Чемтире пальмой, но промахнулся, тот ловко увернулся. Тогда ударил Юнгкябияль и сразу отрубил голову Чемтире. Прибежали оставшиеся сзади люди Муос Кирис'а. Трое прибежавших раньше взяли и съели все лучшее мясо Чемтире, прибежавшие после были недовольны, один из них стал глотать отросток лопаточной кости (лон) и назвался Лонгоот или Донгоот (Lonoot или Donoot), от него произошел род Донгоот; один стал грызть лучевую кость и получил название Карынтую (от карь — лучевая кость) от него произошел род Карынтую. Кто съел ягодицы, стал называться Еджеен (Есееп), от него произошел Еджеенский род". (Записано в Норильске от Конст. Егор. Сидельникова).

Второе предание, следующее, заслуживает еще большего внимания:

„В старину очень давно, когда теперешние долгане жили в другом месте, все люди разделялись на-двое. Одни люди назывались «Косуунами» (koshuun),

другие — «стражами имущества (baaj ketebilçittere). Стражи имущества жили вместе с оленями, при них же находилось имущество. Оленей тогда было мало, санной упряжки не существовало, люди, большей частью, ходили пешком, перевозили только вещи. Вozить много, как теперь, было нечего, все то имущество состояло из одних стрел да одежды. Жили стражи имущества, смотрели за оленями, ловили рыбу, убивали диких оленей. Они никогда на войну не ходили, считались слабыми, из их среды выходили косууны. Во главе стражей имущества стоял старейший косуун. Ежегодно под осень, до наступления темной поры, собирались все косууны и те из стражей имущества, которые считали себя в силах состязаться. Выбирали ровное место и состязавшиеся становились в ряд. На другом конце поля против них становился старший косуун. Он выпускал в каждого стража имущества и косууна по одной стреле с костяным (тупым) наконечником, тот, увертываясь, должен был показать свою ловкость и этим самым говорил о превосходстве перед старшим косууном. Когда старший косуун выпускал все свои стрелы, каждый из состязующихся также выпускал в него по стреле. Старший косуун должен был уклоняться. Если же стрела попадала в него, владелец стрелы делался старшим косууном, а прежний старший косуун зачислялся в обыкновенные младшие косууны и ему выделялось необходимое для жизни количество оленей и имущества. Если на следующем состязании один из смещенных косуунов побеждал настоящего старшего косууна, заставляли их обоих вторично перестреливаться, на этот раз уже стреляли железными наконечниками, пока не умирал один из них.

Будущие старшие косууны часто давали знать о себе еще с детства. Так они, идя на охоту вместе со старшими косуунами, издевались над ними, вызывали на состязание. Бывало, приделывался старший косуун в дикого оленя, мальчик уже раньше его успевал выпустить стрелу. При таких случаях старший косуун начинал приглядываться к мальчику и всячески давал ему возможность отличиться, когда же он достигал возраста 14—15 лет, старший косуун состязался с ним.

Старший косуун обязательно жил вместе с обществом стражей имущества. При нем находился выбранный человек «распоряжающийся богатством» (baaj beŋjeecsi), хорошо знающий расположение оленных пастбищ и мест, богатых зверем, дичью и рыбой. Он ведал всеми хозяйственными делами, делил также и военную добычу. Такое он занимал положение среди людей, что без его согласия старший косуун не мог распоряжаться богатством, находившимся на руках стражей имущества и считавшимся общим. Распоряжающийся богатством на войну не ходил, он заменял на это время отсутствующего старшего косууна. При старшем же косууне находился «шаман-охранитель» (ketebilçit ojun). На его обязанности лежало предсказывание приближения врага не позже, как за два дня до его появления. При этом он «заострял» «ilbis» духа кровожадности своего войска, притупляя «ilbis» вражеского войска. Он также скрывал на облаке душу старшего косууна, чтобы не мог его найти вражеский шаман и считался покровителем всех своих людей. Каждый из таких шаманов перед битвой старался украсть душу старшего косууна противника и заставлял стрелять в него своего старшего косууна. Если

стрела попадала, старший косуун противника должен был умереть в битве. Если шаман обманывал, его убивали. Шаман-охранитель вместе с косуунами ходил на войну.

Младшие косууны вместе с оленями и имуществом, выданным им из общества стражей имущества, жили отдельно, каждый кочуя своим чумом недалеко от стойбища последних. Младшие косууны ходили на войну и, в случае нападения врага, защищали стражей имущества и богатства, находившиеся в их руках. В мирное время они занимались охотой и всю свою добычу отдавали хранителям имущества, между которыми распределял поровну распоряжающийся богатством. Кроме того, младшие косууны, кочуя вокруг места расположения хранителей имущества, караула по очереди, узнавали приближение врага. При обнаружении его давали знать об этом старшему косууну. И он из младших косуунов собирал войско и шел на врагов. Старший косуун вместо себя на это время оставлял распоряжающегося богатством.

Войны большей частью носили характер состязаний. Старший косуун одного общества, узнав о существовании старшего косууна в другом обществе, приходил к нему и вызывал его на состязание. Иногда эти состязания носили мирный характер. Так на определенном расстоянии клали стрелу и оба косууна пускались бегом. Кто, раньше придя к месту, схватывал стрелу, тот и считался победителем; или же обстреливались стрелами с костяными (тупыми) наконечниками. Победенный старший косуун добровольно становился младшим, и его люди соединялись вместе с людьми победившего старшего косууна. Но чаще всего состязания эти носили кровавый характер, обстреливались стрелами, имеющими железные наконечники, причем одна сторона нападала без предупреждения, или же старшие косууны обеих сторон договаривались о начале войны. Так спрашивали они друг у друга — какое время удобно будет выбрать для войны. Если один из старших косуунов говорил, что у него недостаточно много заготовлено стрел, то противник соглашался ждать до известного времени. Победители убивали всех косуунов и выясняли, нет ли среди хранителей имущества их родственников. Если таковых находили, всех убивали. Но иногда старшие косууны оставляли одного маленького ребенка-мальчика, чтобы он мог отомстить им впоследствии, говоря: «Когда он вырастет, пусть покажет свое хорошее. Я по пути размечу зарубками растущие деревья, пусть он по ним разыщет меня». Иногда впоследствии являлся мстителем спрятанный потомок убитых косуунов. Так люди, кочуя жили, говорят, встарину.

В те очень давние времена самоеды (тавгийцы) жили, говорят, сиздавна на окраине леса, в тундренной (северной) стороне в то время жили, говорят, чукчи, лесные люди (долгане) жили за Хетой в лесах. Так живя, лесные люди много воевали между собой, воевали они также с самоедами, но потом, с ними помирились. Когда жили так, пришли тунгусы и войной взяли лесных людей. Половина из них долганами стала, половина, ламутами будучи, ушла. Продолжая воевать, люди не переставали убивать друг друга. От мертвых людей запах пошел, люди от этого запаха стали заражаться и умирали, богатством совсем обеднели, голодать стали, время настало умирать всем. Тогда кто остался в живых, собравшись, советоваться стали: «Следует нам разойтись в разные стороны и, здесь пребывая, не станем мы людьми». Затем убили

одну птицу и говоря: «Давайте в последний раз поедем вместе», стали делить ее между собой. Голова досталась одному человеку, назвали его Kilmagig (от дыһа — голова): «Может ты, пойдя от нас, человеком станешь и после кто-либо из нашего поколения разыщет тебя по этому названию, будь ты Kilmagig» скавали. Человека, которому папороти достались Kaгһntuo назвали, человека, съевшего бока Есеен назвали (от есекец разрезать ребра дикого оленя). Съевшего мышцы живота, Dulgaan назвали (от dulaц мышца живота). Того, который грыз зубами выступ лопаточной кости, Doцoот или Loцoот (loц, выступ лопаточной кости) назвали. Некоторые люди после пришли, когда птицу всю уже съели, им ничего не досталось и они остались без имени. Вот от них размножились и появились новые люди. Так Есеен и Doцoот, в Норильск прийдя, жить стали. Kaгһntuo и Есеен родные братья были, говорят.

Когда так жили, самоеды много раз с юраками и чукчами воевали. Прогнав чукчей за Хатангу, в местности, называемой Чукотская сопка (Суикса суорката), много поубивали их. И поныне на этой Чукотской сопке находим стрелы и остатки чукотских нарт. Мой дед, бывало, рассказывал мне, что шести чукотского чума, очень длинные жерди, выкапывали они из-под дерна и делали из них хорей (жерди для гонки упряжных оленей). И вот, после этой войны, чукчи ушли на восток. Через сколько-то времени возвратились чукчи, чтобы взискать от самоедов кровь своих умерших. Вот к тому времени самоеды в самой тундре жить стали от русских войн и на месте их поселились долгане. К тому времени царь взял нашу землю. Вот, взяв нашу землю, некоторых людей истребил, некоторых в ссылку послал. Вместо них крестьян поселил. Они, поладивши с долганами, дочерей их в жены взяв, вместе жить стали.

Крестьяне с долганами в деревянных домах жили. У старинных домишек окошечки маленькие. Вот когда жили так, на левой стороне Хатанги, осенью появились за Хатангой чукчи. И вот они прибыв увидели вечером через окошечки изб много огней. Вот они из-за реки только одного оленя выпустили. Когда его поймали, на рогах сколько разветвлений, столько стрел привязано. Про это сказали: «Вот это чукчи пришли». «Вот теперь воевать станем» говоря, они столько стрел привязали. «Ну что мы станем делать?» сказали лесные люди. На это крестьяне сказали: «Мы ведь имеем огневые ружья, постреллем». За рекой чукчи черно, черно, высыпали. На это лесные люди, вместе с крестьянами в домах сидя, через окна отстреливались. Чукчи что сделают? Ихние стрелы в окна не попадали, говорят, на стенах они, подобно мошкаре, говорят. Чукчей всех перестреляли, только несколько девушек остались, да двое мужчин убежало. Оленей и богатство чукоц взяв, своим богатством сделав, девушек их женами взяли.

Имеющий свое происхождение от одной из этих чукотских девушек и теперь есть человек по имени Полуо; у него прабабушка чукчанкой была, говорят.

Убежавшие двое чукчей зимой, изголодавшись, к рассомашей пасти пришли. Голодные, внутри ее увидев приманку — копыто оленя, и пытаясь достать, задавленные слегой, умерли, говорят». (Записано на р. Пясине у Стен. Вас. Еремина).

В первом предании описывается одна из войн, о которых говорится во втором предании, а также выясняется роль шамана-охранителя.

Во втором предании: 1) подробно говорится о структуре общества, 2) долгане отождествляются с ламутами и 3) приводятся известия о чукчах, обитавших встарину на севере, там, где живут теперь тавгийцы.

Последнее сведение чрезвычайно интересно; о чукчах на данной территории упоминается не впервые. Еще Третьяков, в 70-х годах прошлого столетия, говорил об этом в своей известной работе „Туруханский край, его природа и жители“ (СПб., 1869). Подтверждение этого сведения мы также получили и в рассказах очевидцев о „чукотских могилах“ — археологических остатках, в виде надгробных памятников из камней, расположенных на вершинах сопков, в северной части Таймырского полуострова. Были ли это действительно чукчи, мы не можем сказать; важно, что это — сведения о какой-то древней народности, обитавшей до прихода в край современного населения: долган, тавгийцев и тунгусов. Относительно „чукотских моги“ имеются у нас довольно подробные сведения; к сожалению, за невозможностью выехать на место, в виду зимнего времени, не удалось лично ознакомиться с памятниками.

На основании сведений, приведенных во втором предании, попытаемся наметить главные черты общества того времени. По ним мы видим, что:

1) Общество не было однородным. Необходимость самозащиты, с одной стороны, с другой — выдающиеся личные качества приводят к выделению из общества более храбрых и ловких людей, образующих военную охрану „косуунов“. Необходимость этим людям постоянно быть на стороже, на случай внезапного нападения врага, требует более подвижной жизни, что и обеспечивается обществом посредством выделения им необходимого для существования имущества и разрешения жить отдельно от основной массы общества, в качестве сторожевых авангардов;

2) Во главе общества стоят два вождя: выборный гражданский и военный, вступление которого на должность санкционируется ежегодными испытаниями, где выявляются личные боевые качества будущего военного предводителя;

3) Имущество является коллективной собственностью, так же как и продукты труда, в данном случае продукты охоты и рыболовства.

Надо думать, что к этому же времени относятся сведения о том, что встарину долгане холодное время жили в больших землянках и балаганах, в каждом по пяти семейств, причем хозяйкой на это время считалась выбираемая наиболее опытная из женщин.

В середине землянки или балагана выкапывалась яма, где разводился огонь. А так как добывание огня сверлением требовало много труда и времени, то и старались сохранять его неугасимо. С этой целью по ночам устанавливали очередные дежурства. Летом огонь перевозили в тлеющем виде внутри гнилушки. Отдавать огонь из одного чума или землянки в другой считали грехом.

Таково, согласно преданию, общество того времени, когда людей было еще много, когда частые войны еще не привели к совершенному обнищанию и вымиранию.

Вряд ли можно отрицать прежние многочисленные войны, происходившие, как между более мелкими социальными группами, так и между целыми племенами. Как, например, можно отрицать жестокие войны между тавгийцами и юраками, оставившие глубокий след в эпосе как тех, так и других? Или как можно не верить преданиям долган о междоусобицах войнах? Надо думать, что и на севере при продвижении народов с юга происходили не менее кровавые столкновения, не мало не уступавшие по своим жестокостям войнам эпохи переселений. Кто знает, сколько и каких народностей могли исчезнуть с лица земли в результате этих войн, подобно легендарным чукчам Таймырского края?

В дальнейшем, непосредственно приступая к изложению структуры современного долганского общества, посмотрим, не найдем ли мы в нем остатков того, о чем говорилось в приведенных сказаниях?

2

Долгане по своим основным занятиям оленеводы и охотники, в силу этого они вынуждены вести кочевой образ жизни, который можно разделить по сезонам на два периода: зимний и летний, что обуславливается резкими переходами на севере времен года без продолжительной весны и осени.

В зимний период каждая отдельная семья, представляющая собой индивидуальную хозяйственную единицу, старается жить обособлено в своем нартяном чуме,¹ за исключением станков, располагающихся зимою по тракту Норильск—Хатанга. На этих станках можно встретить от пяти и более нартяных чумов. В царское время станки эти представляли всего лишь один или два чума, поскольку край был совершенно заброшен и ездить было некому. В настоящее время, в связи с разворачивающимся строительством, поездки в тундру совершаются чаще и требуют сосредоточения на станках большего количества населения. Семьи, свободные от станочной гонимости, стараются жить где-либо в стороне, хотя по официальному учету населения часто приписываются к ближайшему станку. Олень требует постоянных перекочевков в поисках новых пастбищ, поэтому даже и станки более оседлого типа, где имеются избы (ближе к Хатанге), вынуждены бывают менять пастбища в продолжение зимы несколько раз. Носедлые станки, состоящие из нартяных и шестовых чумов, отодвигаются ближе к новому стойбищу. В тех же случаях, когда олени пастбища находятся в некотором расстоянии от станочной избы, в случае приезда подводы, едут за оленями на специально оставляемых для этой цели более одомашненных оленях „ааку“, питающихся хлебом, костями рыб и другими хозяйственными отбросами, или даже отправляются пешком.

Не так еще давно, лет 20—30 назад, население два или три самых холодных зимних месяца проводило оседло в лесной полосе в неподвижных землянках или юртах-„балаганах“, близко напоминающих якутские, сохранившиеся и бытующие кое-где и теперь в самых захолустных районах за р. Хатангой. Во время такой оседлой жизни олени также угонялись к пастбищам, находившимся на некотором расстоянии.

¹ Нартяным чумом называется зимнее жилище, представляющее собой домик на санках, перевозимый оленями.

Летние дни в тундре, напоминая своей высокой температурой летние дни средней полосы Европейской России, также и до сих пор являются временем для коллективной жизни, но не оседлой, как зимой. В это время, с одной стороны, комары, с другой, молодые побеги вырастающих трав и грибы являющиеся излюбленной пищей, заставляют оленей разбегаться. Пасти их в это время гораздо удобнее большими стадами. Во время комаров большое стадо не разбегается, олени стоят и топчутся на одном месте, таким образом находящиеся в середине не подвергаются укусам, и вся пастьба сводится к наблюдению за тем, чтобы не отделились от основной кучки и не убежали отдельные олени. Когда оленей немного, они не стоят, разбегаются в разные стороны. При коллективном способе пастьбы экономится также и рабочая сила, так как пастухов требуется гораздо меньше. Правда, во время комаров долгане стараются откочевывать на север или на высокие гольцы, где холодней и поэтому нет комаров, как например, в Норильске. Но все же необходимость коллективной охоты на гусей заставляет долган проводить часть знойного времени в болотных низинах тундры. Это самая горячая пора для оленевода. На это время нескольким хозяевам приходится объединять своих оленей в общие стада, вследствие чего и получаются летние территориальные объединения нескольких семейств. Образующиеся при этом немногочисленные группы представляют собою объединения не по родственному признаку, а союзы лиц, связанных одними экономическими интересами.

При таких объединениях этнические черты даже совершенно стираются: так в составе кочевых групп, кроме долган и затундренных крестьян, которые по существу ничем от первых не отличаются, можно найти и затундренных якутов и тунгусов.

Для них, как для посторонних, никакого исключения не делается, и они одинаково подчиняются общим правовым обычаям, которые будут описаны нами дальше. Объяснение такого на первый взгляд странного явления надо искать опять-таки в общности экономических интересов: основные виды их хозяйства — оленеводство, охота и отчасти рыболовство, — обуславливая коллективное производство, вызывают и коллективное потребление.

Зимой при оседлой жизни нартяных чумов бывает больше; обычно каждая семья имеет свой собственный нартяной чум. Но зато летом на каждые две — три семьи приходится по одному шестовому чуму. Делается это с целью экономии оленей, поскольку летнее кочевание совершается верхом, следовательно, требует минимального количества груза. Надо отметить, что нартяные чумы появились в середине прошлого столетия у русских купцов и стали распространяться среди долган совсем недавно. В старое время долгане жили исключительно в шестовых чумах, да и теперь продолжают жить в них вдали от тракта. Санной упряжи не было совсем, употреблялись седла, оленей было немного, люди почти исключительно ходили пешком, возили лишь незначительный домашний скраб. При этом даже и то немногочисленное имущество нередко приходилось перевозить со старого стойбища на новое частями, по нескольку раз возвращаясь назад из-за недостатка оленей. Для такого способа перевозок существует у долган даже специальный термин „iŋiŋbun̄kuluur“. Малое количество оленей и голодные годы из-за отсутствия дикого оленя

много раз подтверждаются фольклорными сведениями. Для иллюстрации приведу сказание, записанное мною на р. Пясине.

„В старину люди, как ныне, не были богатыми, говорят. У самых богатых двадцать оленей было, только у одного человека сто оленей было, говорят. В продолжение трех лет голод был: и птицы не прилетали и дикие олени не набегали. Люди олесек своих истребив, очень мало оставили. На это ихний богатый сказал: «Отчего это дикие олени перестали набегать, я это должен пойти посмотреть», сказав так, в тундру итти собрался. Затем сказал своим людям: «После моего ухода, если много диких оленей набежит, вы не убивайте вперед прибежавших оленей, пусть они идут на «камень» (т. е. за р. Хету в горы), и пусть там живущие проголодавшиеся люди насытятся. Когда порассудив: «Пожалуй, что довольно» скажете, тогда только начинайте охотиться». После этого ушел. Вот идя, идя к тому месту, где крестообразный мыс в море врезался, туда пришел. Придя, когда увидел диких оленей черно, помет их так и лежит кучами. При этом как он приблизился, в середине (мыса) большой лес разросся. Как увидел, двухголовый дикий олень лежит. Головы его в ночную (северную) сторону повернулись. Как он разглядел, дикие олени, в ту же сторону повернувшись, кормятся, стоят оказывается. Вот при этом (он) подумал: «Этот и значит хозяин диких оленей. Вот ради чего он задерживает диких оленей, не посылает их нам». Его начинает просить: «Мы с голоду умирать стали. Наше имя Ламские (Лама — одно из больших Норильских озер), жители исчезнуть должно. Если останется хотя бы один человек, тогда только сможет (опять) носить название Ламских людей. Как будет, если ты хоть одного дикого оленчика отпустишь?» Так он трижды просил стоял. На третью просьбу хозяин диких оленей, фыркнув, одну голову свою в солнечную (восточную) сторону повернул. При этом отделилась маленькая кучка диких оленей. Вот за ними отправился человек. Вот когда он вернулся, люди его, истребив всю еду, мышей поели, никаких нуков (покрышки чума) не оставили. У «каменных» людей (за хетских) большинство от голода вымерли. Люди его, все же слова его не нарушая, на диких оленей не охотясь, жили: «На «камень» дикие олени пусть поднимаются, пусть тамошние люди спасутся» говорят. Вот этих оленей промышляют. Из охотничьих принадлежностей ничего не осталось у них, загородами промышляют, затем на диких оленей в тальниках Хеты петли настораживают. Вот с тех пор из-за этого набегать начали дикие олени, люди людьми стали. После об этом услышав, один самоед (тавгиец) в голодный год опять туда на крестообразный мыс ходил. Вот пойдя опять от хозяина диких оленей выпросив, пришел“ (Степ. Вас. Еремин).

Осенью с уничтожением комаров, каждая летняя группа распадается на отдельные семьи, кочующие около своих пастей, приготовляя их к зиме, или охотящиеся в одиночку на дикого оленя. При этом иногда образуются немногочисленные группы в 2—3 семьи, которые, однако, распадаются после набега диких оленей с севера.

На лето часть стариков остаются жить около больших рек или озер для заготовления на зиму рыбы, при этом свои олени стада они вместе с молодыми членами своей семьи посылают в тундру, присоединяя к одной из кочевых групп.

Под весну еще при снеге начинают организовываться летние кочевые группы. Каждая из них старается включить в свой состав побольше зажиточных людей. Это является гарантией от голода при тех ненадежных способах добывания пищи, которые свойственны охотникам. И действительно при недостатке зверя и рыбы, когда группам приходится терпеть недостаток в пище, богатым вменяется в обязанность кормить своих соседей, убивая собственных оленей, при этом мясо распределяется между обитателями всех групп поровну, пропорционально количеству членов семьи. При падеже оленей у бедного, богатый также должен отдать ему оленей. Однако же такой поступок не рассматривается как благодеяние, а как обязательство, невыполнение которого повело бы к суровому осуждению. Такое положение особенно бросалось в глаза в Норильском районе, где нам более двух месяцев удалось кочевать с одной долганской группой. Вообще следует отметить, что в Норильском районе, как в более отсталом, можно более легко отыскать пережитки прошлого, чем на востоке.

Необходимость общего руководства заставляет группу на весь летний период выбирать старшего из числа людей, достаточно опытных, хорошо знающих оленьи пастбища и места, изобилующие зверем, дичью и рыбой. Выбирают его весной. Когда группы будут образованы, старшины двух смежных групп совещаются и точно по озерам, рекам и горам размежевывают свои кочевья. В обязанность старшего входит: установление дневного маршрута, распределение очередных работ между членами группы, как-то: нахождение погонщиков свободных оленьих стад, ночных пастухов в комарное время или во время набега волков и так далее. Ежедневно по вечерам на стоянках отцы семейств собираются к старшему, где и устанавливается распорядок дня и место ночевки. Придя к себе, каждый из хозяев чума доводит об этом до сведения своей семьи. Особенно точно устанавливаются места ночевки, чтобы возвращающиеся поздно вечером охотники знали, где находятся их стойбища. Кочевая территория намечается в виде широкой полосы, и в какую местность, расположенную внутри ее, должен направиться караван, решается вечером на вышеуказанных совещаниях в чуме старшего.

Кочевая территория ежегодно меняется, что особенно ярко можно проследить на норильских долганах. Обуславливается это: 1) необходимостью новых оленьих пастбищ для предохранения прежних от вытаптывания и 2) желанием разнообразить охотничьи районы. Состав летних кочевых групп также изменяется. Но надо сказать, что при продвижении на восток, хотя свобода в отношении кочевых территорий и существует, но уже ограничивается. Это зависит: 1) от появления станков, как зачатков оседлых поселений; 2) от необходимости считаться со своими соседями, которых по количеству на востоке больше и 3) наличия неподвижных пастей, которое приводит к тому, что зимою приходится жить относительно близко от них, насколько позволяют природные условия, для удобства зимних обходов. Такое положение дает намеки на границу, и в недалеком будущем, вероятно, приведет к полному оседанию и переходу на скотоводство якутского типа, которое вполне возможно в районе Норильских озер, по рр. Хете и Хатанге.

3

Труд в долганском обществе распределяется таким образом, что работы, связанные с домашним хозяйством, ложатся на женщин, например такие, как уборка и установка чума, приготовление пищи, шитье и обработка кожи. В Норильском районе сюда же присоединяется ловля оленей перед летним аргишением (аргишение — кочевание), навьючивание и развьючивание оленей. Мужчины делают нарты, смотрят пасти, вяжут сети. Одинаково выполняется как мужчинами, так и женщинами следующие работы: приготовление топлива, ловля и запряжка оленей (летняя у норильских долган производится женщинами), охота и рыболовство. Из этих примеров мы видим, что половое разделение труда четко не проведено до конца. Но женские работы связаны с чумом. Женщина, привязанная к своим маленьким детям, должна была оставаться в чуме, когда все остальные уходили на промыслы. И поскольку женщина оставалась дома одна, естественно она должна была выполнять все работы по дому. В фольклоре мы имеем много указаний на то, как женщина кочует с детьми и встречается со своим мужем, уходящим рано утром на промыслы, только вечером.

Орудия производства у долган, в частности охотничьи и рыболовные принадлежности, являются индивидуальной собственностью, даже такие, как невода, требующие при употреблении участия нескольких человек. Несмотря на это, однако, в большинстве случаев, потребление остается коллективным. Летние группы кормят охотники, входящие в их состав. Каждый из них делит свою добычу между обитателями всех чумов, причем, если это дикий олень, оставляет себе только самые незначительные части — шеину и голову, и даже шкура оленя преподносится им одному из наиболее уважаемых людей группы. Не трудно видеть, что эти факты являются пережитками первобытного коммунизма. Продукты рыбной ловли подлежат обязательному разделу только летом, зимой же исключительно потребляются самим рыболовом. Относительно летнего раздела рыбы надо заметить следующее. Подлежит обязательному разделу только та рыба, которая добывается членами группы, та же рыба, которая заготавливается стариками, остающимися около рек и озер, разделу не подлежит и часть ее отдается только членам своей семьи, кочующим в группе с оленями. При охоте на диких оленей, гусей и уток добыча подлежит разделу только тогда, когда охотник входит в состав кочевой группы. Если же он не входит, кочует один со своим семейством, что особенно случается осенью после распада групп, продукты охоты разделу не подлежат.

При коллективных промыслах, например, при поколке диких оленей, при ловле сетями гусей и т. д., для дележа добычи выделяется особое лицо. При неводном улове обычно — это сам хозяин невода. Добыча распределяется на каждую семью пропорционально количеству человек. Если окажется излишек, не хватающий на всех, он достается самому хозяину. Хозяин орудия труда, например, сети, невода, никакими привилегиями не пользуется. Он может только рассчитывать на помощь при починке орудия промысла. Так, если это невод, помогает его чинить кто-либо из участников ловли.

Шкуры убитых пушных зверей разделу не подлежат и безусловно считаются собственностью охотника. Это обстоятельство легко объяснимо тем, что массовая охота на пушного зверя более позднего происхождения, вероятнее всего, что она стала развиваться с приходом русских, когда шкурки получили товарную ценность. До этого на пушного зверя охотились мало, на одежду же, как и теперь, больше всего употреблялась теплая и более доступная оленья шкура. Подтверждением такого предположения служит и само название ловушки на песца „раас“ — от русского слова „пасть“. В старину на песцов натягивали петлю и настораживали самострелы; но эти охотничьи орудия не были столь распространены как теперь пасти.

У долган, как мы уже видели, нет строго закрепленной территории, и последняя ежегодно изменяется и, после ухода группы считается ничьей и на ней разрешается кочевать и охотиться кому угодно. Это объясняется тем, что ввиду колоссальной территории, малочисленное кочевое население не заинтересовано в закреплении за собой земельных участков. Однако же коллективная собственность на освоенную в данный момент территорию обнаруживается при столкновении охотничьих интересов. Так, если чужеземец или долган из другого района станет охотиться вблизи кочующей группы, на территории еще не использованной ею, не испрашивая разрешения, это вызывает недовольство. Про таких охотников говорят, что они распугивают диких оленей. Чтобы избежать нареканий, пришлый охотник должен заявиться в группу и у старшины попросить разрешения на охоту. Последний обязан разрешить, отказ ни в коем случае не допускается, так как считается позорным жалеть „богатство земли“. Таким образом мы видим, что разрешение это является лишь простою формальностью. Ловить рыбу там, где нет постоянных мест лова, дозволяется кому угодно без всякого разрешения.

Не менее ярко взгляды долган на собственность выражаются в обычаях наследования. Если бездетным взят на воспитание ребенок из чужой, неродственной семьи против желания родных братьев берущего, он, после смерти отца, получает только половину имущества, другая половина достается братьям его отца. Как правило, наследство всегда достается младшим детям, живущим в момент смерти родителей вместе с ними, так как старшие дети получают наделы при жизни отца и живут самостоятельным хозяйством. После смерти бездетных, большая часть их имущества остается вдовам и только незначительная часть выделяется братьям и сестрам умерших. Места расположения пастей — „пастники“ также переходят по наследству от отца к сыну. В случае же малолетства наследника, до его совершеннолетия, пастями может пользоваться безвозмездно кто угодно.

У долган до недавнего времени торговли между собою не существовало, да и теперь (1931 г.) она не всегда имеет место. Слово „аць“ — торговля, якутское, от (аҕ) — лошадь. Як. „Аҕылы“ от др. тюрк. сату — торговля.

Это же самое следует сказать также и относительно займа и в самом слове для его обозначения „һайтти“ не трудно угадать русское слово „взаимы“.

До сих пор у долган взаимоотношения между собою были довольно первобытны. Нуждающийся в какой-либо вещи шел к тому, у которого эта

вещь имеется, выпрашивал ее и обязательно получал безвозмездно. Но впоследствии отдавший вещь, в случае какой-либо надобности, мог обратиться к получившему, и тот должен отдать просимое. Таким образом получается взаимный обмен, однако не ограничиваемый временем и не обуславливаемый равной ценностью обмениваемых предметов. А попросил и взял у В оленью нарту. В через несколько месяцев попросил у А и получил олений недоуздок. Ясно, что нарта и олений недоуздок не могут быть равноценными. Но может случиться и так, что В обратится к А не через шесть месяцев, а через несколько лет, так как у него еще не было в этом необходимости.

Так называемые, „гощения“ (валль) особенно распространены между женщинами. А привозит В какую-либо вещь и говорит при этом, что она хотела бы получить у нее какой-то предмет и получает. Если В кажется, что привезенный предмет меньше по стоимости, чем испрашиваемый, она может сказать, что желательно было бы прибавить к этому еще то-то. Часто А привозит В какую-либо вещь и не говорит, что хотела бы получить вместо нее. В этих случаях В может вернуть подарок А через некоторый промежуток времени, через несколько месяцев, через год, причем вещь может быть и неравноценной. Мерилом ценности обмениваемых при „гощениях“ предметов служит олень, что видно из следующей таблицы:

Название предметов гощения	Название и количество материала, израсходованного на изготовление предмета	Количество времени, затраченного на выделку	Цена	Примечание
Инкрустированная железка для поводка оленя (gugaarka)	Ножка одного железного капкана и 5 грамм меди	1 рабоч. день	1 олень	Рабочий день 5—6 часов
Навершие женского оленьего посоха, инкрустированное медью	Часть ножки одного железного капкана и 5 грамм меди	1 рабоч. день	1 олень	
Летняя оленья упряжь				
1) Пара вьючных сум	12 камусов	5-6 раб. дней	1 олень	При „гощениях“ все перечисленные предметы даются вместе
2) Покрышкаседла (tenine)	1 оленья шкура			
3) Коврик	3—4 шкурки оленьих голов			
4) Подпруга	1/4 выделанной шкурки			
5) Недоуздок (наголовник)				
6) Седло вьючное, не орнаментированное	Обшивка 1/2 шкурки и деревянный остов			
Охотничьи лыжи, обшитые камусами	16 камусов, дерево и клей	4-5 раб. дней	1 олень	

Если вещь не дорогая, не равноценная оленю, долгане до сих пор затрудняются расценивать ее и обычно при продаже говорят: „Не знаем сколько дашь столько и ладно“. Впрочем, это быстро изживается, поскольку вводятся твердые кооперативные цены.

В восточных районах, где ярко сказалось торговое влияние якутских купцов, вышеописанные первобытные обменные отношения начинают уже ограничиваться родством до 4-го поколения. Совершенно особо стоит обычай дарения охотником шкуры убитого зверя „туҕеһе“, которое требует впоследствии обязательного отдаривания. И даже считается незазорным для охотника напоминать об этом, если получивший шкуру позабудет.

Как на пережиток первобытно-коммунистических отношений можно указать на способы пользования летними амбарами „laabas“ или „пөөкү“. При летних кочеваниях долгане всю свою зимнюю одежду и летние вещи складывают, чтобы не возить с собой, в амбары на сваях. Амбары эти строятся кем-либо одним, но в районе Норильска пользуются ими все. Они никогда не запираются, и класть в них свои вещи имеет право кто угодно без всякого разрешения со стороны хозяина.

В восточной части мы уже видим в этом отношении более развитые частнособственнические тенденции. Когда хозяин поместит в амбар свои вещи и останется свободное место, только тогда другой человек может положить свое имущество, да и то с разрешения хозяина. Последнее не обязательно только тогда, когда хозяина нельзя найти, например, если он откочует далеко. Причем, если в отсутствие хозяина амбар придет в ветхость, должен починить его тот, кто имеет в нем свои вещи.

4

В настоящее время семья у долган патриархальная; счет родства ведется и по отцовской и по материнской линии, но это не отражает действительного положения долганского общества в прошлом, и мы имеем основание думать о былом существовании матриархата на основании ряда пережитков. И теперь еще материнское происхождение считается ближе отцовского. Когда гостит сын или дочь даже у самых дальних родственников по материнской линии, их без подарков не отпускают, считая грехом. По линии же отцовской такого рода отдаривание обязательно только для племянника или племянницы и дальше не распространяется. Внебрачно прижитой ребенок остается у отца своей матери и считается как бы младшим сыном его и на таких же условиях получает наследство от деда. Если даже прижитой до брака ребенок будет взят в семью отчима, то и в этом случае он получает наследство только от своего деда — отца матери. Уход за огнем — „кормление огня“ бросанием кусочков пищи — лежит на домохозяйке. Если мы примем во внимание, с каким почтением долгане относятся к огню, не трудно будет предположить, что женщина в прежнее время пользовалась большим уважением. Говорит об этом также и то, что только женщины смотрят за „sajtan“ами — семейными и родовыми святынями.

Приводимое Латкиным сведение о том, что девушки-долганки „несмотря на подчинение их воле отца, а за неимением его — старшего брата, не склонны выходить замуж по принуждению, а стараются сами выбирать себе суженного“¹ также говорит о более самостоятельном положении женщины встарину.

¹ Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892 г., стр. 142.

Черты гостеприимного гетеризма также сохранились у долган. Так Третьяков в своей работе „Туруханский край, его природа и жители“, изданной в 1869 г., говорит: „Не без ропота иногда соглашались девушки на жертву целомудрием для минутного гостя, которого хотел почтить хозяин“ (стр. 406). Второе упоминание о гостеприимном гетеризме мы встречаем у Латкина. Он говорит: „В старые годы, даже еще в нынешнем столетии, отец нередко продавал свою дочь или сестру заезжему гостю, пожелавшему за это приятное угощение хорошо заплатить, или даже даром, если этому гостю нужно было чем-нибудь особенно угодить ради своего личного интереса или прибытка. Ныне обычай этот совсем вывелся“.¹

Браки у долган разрешаются между родственниками только в четвертом колене по отцовской и материнской линии, но часто допускается нарушение этих запретов. Так в Норильском районе, если у вдовы не бывает сына, она отдает свою дочь за сына младшего своего брата, говоря, что она возвращает свою кость (иццоккуп теннеревун). Если по отцовской линии до четвертого колена окажется девица очень хорошая хозяйка и шитница, берут ее в жены родственники по матери из третьего колена, говоря, что в старину из этого же рода брали себе жен их люди. Вообще среди долган существует тенденция, чтобы браки впоследствии после третьего колена, когда уже родства не будет, совершались между потомками братьев и сестер — „чтобы родство вернулось в свое поколение“, как говорят они.

Пережитки группового брака выражены в обычае так называемого „отдариwania“ (belektehii). Весною на пасху, зимою на рождество и на новый год, на свадьбах, на именинах и вообще при всех тех случаях, когда собирается много людей и молодежь имеет случай встречаться друг с другом, во время танцев юноши и девушки становятся парами, происходит незаметным образом взаимный обмен подарками. Если молодому человеку понравится девушка, он через своего близкого знакомого выпрашивает у нее какую-либо вещь, например кольцо. И если получит, через того же человека посылает ответный подарок, например трубку, наверхше оленьего посоха и т. д. Когда таким образом первая связь между молодыми людьми установится, обмен подарками уже совершается лично на танцах. Первый ответный подарок является знаком благосклонности. По средникам между молодыми людьми могут быть как мужчины, так и женщины. Подарки передаются не особенно скрытно, родители обычно, смотря на это сквозь пальцы и делают вид, что не замечают. Между молодыми людьми происходят довольно свободные половые отношения; нередко появление ребенка до брака. Последнее не отражается на репутации девушки, родители относятся не строго, она сама свободно выходит замуж. Среди долган часто встречаются девушки, имеющие по одному, а то и по два ребенка. Насколько такое явление считается обычным, можно видеть из того, что часто сами девушки не скрывают имен отцов своих детей.

Как на пережиток группового брака следует указать также и на перекрестный кузенный брак, и на левират. Оба эти явления до сих пор еще можно встретить в Норильском районе. Согласно левирату младший брат женится на

¹ Н. В. Латкин. Енисейская губ., стр. 142.

вдове своего брата. Если младших братьев несколько, женится тот из них, который первый успевает сделать предложение. Мы имеем также совершенно точные указания о многоженстве долган в прежнее время. Фольклор много раз указывает о захвате женщин во время войн и поголовном избиении мужчин неприятеля. С прекращением войн многоженство ограничивается, иметь по несколько жен могут уже только богатые, которые в состоянии уплачивать калым. По рассказам, в старину некоторые имели по семи жен. Жены эти жили все вместе в одном чуме или отдельно, в зависимости от материального положения мужа. Звали они друг друга „һуһуөг“. По смерти мужа имущество его распределялось поровну между всеми женами.

Родственные термины у долган, подробно изученные нами на месте, за исключением двух тунгусских, обозначающих отчима (amigaan) и мачеху (ijgeen), целиком якутские. Такое положение, казалось, могло бы служить серьезным опровержением неякутского происхождения долган. Но против этого прекрасным образом говорит пример полнейшей ассимиляции затундренных крестьян, которые совершенно потеряли свой родной язык и целиком усвоили, подобно долганам, якутскую родственную терминологию. А ведь надо думать, что русские переселенцы появились позже долган. Если они за такой короткий промежуток времени могли потерять не только свои племенные особенности, но и физический тип, почему же не допустить такое же явление и по отношению долган, находившихся в совершенно одинаковых условиях с затундренными крестьянами? Основная причина такой ассимиляции — взаимные браки между говорящими на своем родном языке тунгусами, затундренными якутами и долганам, усвоившими язык последних, происходит и теперь. На наших глазах продолжает совершаться усвоение одной народностью языка другой. Неоднократно в районе Волосьянки приходилось встречать нам тунгусские семьи, где отец был тунгусом, мать — якуткой, дети уже не умели говорить по тунгусски, разговорным языком служил якутский (долганский диалект).

К сожалению, не удалось сверить собранные у долган термины родства с собственно-якутскими с целью выяснения, совпадает ли содержание их по своему значению между собою, поскольку замечено нами, что некоторые якутские слова, бытующие у долган, хотя и произносятся одинаково, но имеют совершенно другое значение. Препятствием послужило отсутствие полных записей якутской терминологии родства, несмотря на относительно большое количество собранных прежде по якутам этнографических материалов.

Родство у долган обозначается двумя терминами, встречающимися и у якутов, „һыһаан“ и „һиен“, оба они равнозначущи по содержанию и служат для обозначения трех колен родства по отцовской и материнской линии. Более многочисленные социальные группы обозначаются термином „орда“ (ordaa), который употребляется в смысле народности по отношению к соседям, например: самоедская орда, русская орда, тунгусская орда. Иногда, вместо слова орда, употребляется слово „һиис“.

Если взять только собственно-долганские һиис, исключая совершенно одолганившихся тунгусов Карынтуо, таковых будет три: Дулгаан, Донгоот и Еджеен (Еҕеен). Надо полагать, что эти группы прежде были фратриями. Так и теперь, несмотря на то, что члены всех этих групп живут смешанно,

люди, входящие в состав одного *biis* или фратрии, называют друг друга своими людьми, таким образом, повидимому, осознается между ними единство происхождения.

Перечисленные выше фратрии объединяют ряд родов. Так например, Донгоот имеет в своем составе роды: Mokojbut, Harьbьa, Oruktaak, Sakatiin и др. Еджеен — *bn̄tkaa* и др. и т. д. К сожалению, не удалось выяснить названий всех родов, входящих в состав фратрии. Роды, так же как и по-якутски, называются „*us*“. У нас имеются определенные сведения, что в старину внутри родов браки не допускались. В настоящее время при женитьбе стараются брать девушку из того рода, или поколения, из которого в прошлом больше всего брали себе жен предки жениха по отцовской и материнской линии.

До самого недавнего времени у долган не существовало общеплеменного самоназвания. Если спросить у долгана какой он народности (применяя известное ему якутское слово „*omuk*“), то называет себя по имени своей фратрии (орды и *biis*): „Я — Донгоот“ или „Я — Еджеен“. Правда, долгане иногда называют себя и „*tъa kihite*“, что значит по-якутски „лесной человек“ и „*teegee*“, что значит по-тунгуски народ. Эти термины очень мало употребляются, особенно второй, известный только в Норильском районе. Употребляют первый термин долгане не только по отношению к себе, но и к соседним тунгусам. Иногда еще долган может назвать себя и тунгусом, но нам известно, что у якутов вилюйских, соседей долган, слово тунгус часто употребляется не как название народности, но как название оленного вообще, безотносительно какой он племенной принадлежности. По этой причине вилюйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренных оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами. Не трудно из этого видеть, что, очевидно, когда долган говорит, что он тунгус, этим самым выражает не свою этническую принадлежность, а занятие. Слово долган название лишь одной фратрии и стало употребляться как название целой народности русскими и охотно воспринимается теперь и самими долганами.

Пережитки родового строя у долган сохранялись до настоящего времени. До сих пор воля коллектива доминирует над волей отдельной личности. Так усыновление не считается частным делом, для него требуется согласие со стороны братьев усыновляющего. Если же усыновление прошло против их согласия, после смерти приемного отца воспитаннику переходит только половина наследства, другая часть достается братьям умершего. Перед женитьбой сына отец обязательно должен собрать родню и посоветоваться с нею и без ее согласия, не может послать свата. Поскольку женитьба, как введение в общину нового члена, считается делом общим, у бедных родителей при несостоятельности последних приданое и калым собирают родственники и близкие знакомые, за что они впоследствии получают — снарядившие приданое равноценного своим издержкам оленя из калыма, снарядившие калым из оленей приданого. Если же родители жениха и невесты бывают зажиточные и сами без материальной помощи других людей снаряжают калым и приданое, отец невесты, получив оленей калыма, раздаривает их своим родственникам и знакомым. Последние через некоторое время отдаривают новоженев подарками большей стоимости, чем полученные олени.

Защита экономических интересов коллектива требовала вмешательства последнего в имущественные отношения своих членов, и теперь мы видим, что при выходе вдовы замуж в чужой род, ей только оставляется одна четвертая часть имущества мужа, так как считается убыточным отдавать богатство в чужой род. В начале свадебного пиршества наиболее почетные люди из присутствующих и родственники жениха вместе с отцом жениха выходят на улицу, раскрывают сундуки с приданым и смотрят, раскладывая содержимое. Если оно окажется неравноценным калыму, считается большим позором для отца невесты. Такого обычая в более передовом Норильском районе не существует.

Следующие формы коллективной помощи имеют место в настоящее время у долган. При женитьбе или выходе замуж сироты род снаряжает калыму и приданое. В случае обеднения одного из своих членов, фратрия выделяет нескольких наиболее зажиточных лиц, которые сообща оказывают материальную помощь обедневшему. Обычно на первый раз дают ему двадцать оленей, песца для приобретения сетей и капканов. Если первая помощь окажется бесполезной, дают вторично, но уже в меньшем размере. И так до трех раз. Но если третья помощь не принесет пользы, у обедневшего отбирают детей и отдают на воспитание зажиточным семьям. Когда они достигнут совершеннолетия, возвращают родителям, обязывая содержать их. Помощь такого рода называется „абырать“.

При всякого рода спорах и недоразумениях, долгане обращаются к суду нескольких наиболее уважаемых людей, и те, рассудив, вразумляют обидчика выговором и мирят обе стороны. Если одна из сторон не соглашается с решением стариков, дело переходит дальше уже по юридическим инстанциям, какими до революции являлись выборные князцы. Надо полагать, что в прошлом судом старших решались внутренние дела родов, проступки же, выходявшие за пределы их, как видно из преданий, решались кровавой мезтью.

По линии идеологии следующие факты являются пережитками родового строя: каждая долганская семья имеет „сајтан'ов“ — домашних святынь-покровителей, в виде камней, рогов оленя, привесок костюма предка шамана или антропоморфных или зооморфных изображений. Святыни эти бережливо хранятся и передаются из поколения в поколение. Но кроме семейных „сајтан'ов“ бывают и родовые, как, например, тот знаменитый, чудесно найденный котел, о котором записано на месте длинное предание, в свое время отобранный миссионером иеромонахом Платоном и найденный нами здесь в Ленинграде среди долганских коллекций Государственного этнографического музея.

У долган мы также находим пережитки тотемизма. Так, в фратрии Донгоот род Оруктаак (Oruktaak), считается происшедшим от женщины, проглотившей древесного червя; имеется легенда о женщине, превратившейся в медведя, существует почитание медведя, ворона, орла и других животных и птиц. И, наконец, мы имеем среди долган довольно развитой культ предков. Хорошие люди и после смерти продолжают покровительствовать своим семьям, плохие люди, наоборот, или посылают злых духов или сами приходят и заставляют хворать живых людей, чтобы через шамана выпросить себе подарки. В тех случаях, когда шаман не может определить причину болезни, он отправляется в нижний мир — ж умершим предкам больного и просит их указать, какой из злых духов мучит

больного, не душа ли какого-либо умершего человека, требующая подарков. Чтобы умерший после смерти не заблудился в загробном мире и нашел сразу своих предков, душу его через шамана отправляют верхом на олене. На второй день смерти шаман днем камлает, отделяя души живых людей от умершего.

Каждый долганский шаман является хранителем и защитником одного или нескольких лиц. У него имеется свое дерево, на которое он поселяет души всех охраняемых им людей. У больших шаманов таких деревьев бывает три. Деревья эти охраняются духами шаманов. Если шаман сильный, которого боятся злые духи, приносящие болезнь, дерево его бывает высоким и ветвистым. Если же шаман слабый, не пользующийся достаточным авторитетом среди злых духов, дерево его бывает чахлым, жиденьким, местами с ободранной корой. Духи его, охраняющие дерево, бывают недостаточно сильны против злых духов болезней, которые поэтому и похищают души людей, отчего последние болеют и умирают, за что шаман получает нарекания от своих родичей, видящих причину несчастья в нем одном, говорят, что он плохой шаман, рав не умеет беречь своих людей. Когда шаман умирает, дерево его сваливается, поэтому является настоятельная нужда отделить от него душу живых людей, и этот обряд отделения душ производит другой шаман. Из сказанного не трудно видеть, почему шаманы пользуются сильной популярностью среди долган.

Каждое появление нового шамана встречается его родичами с большой радостью, говорят: „Появился у нас новый защитник“, поэтому и шаманы снаряжаются коллективом без материальных затрат со стороны первого. Однако же, несмотря на свой громадный авторитет, шаманы в условиях обыденной жизни не пользуются какими-либо особенными преимуществами перед остальными членами летней кочевой группы: они наравне со всеми участвуют в производстве.

Навязанное завоевателями края — русскими — управление долган до самой революции было следующее. Во главе „орды“, официально называемой родом, стоял князец или староста. На его обязанности лежало: 1) проведение в жизнь различных мероприятий царского правительства; 2) сбор ясака, позже податей и 3) выполнение судебных функций. Князцы или старосты непосредственно подчинялись туруханскому приставу или исправнику, должность их была выборной. Выборы эти происходили через три года, в октябре или в ноябре, и обставлялись особыми церемониями.

Когда прежний князец отказывался или по старости или по каким-либо другим причинам от своей должности, спрашивали его: „Кого ты желал бы видеть князем вместо себя?“ Прежний князец указывал на достойного, по его мнению, кандидата: имя его ставилось на голосование, в котором участвовало все взрослое население, за исключением женщин. Избираемый отказывался более для виду и затем уступал упрашиваниям присутствующих. Дав свое согласие, он молился иконам, пожимал руку прежнему князю и всем присутствующим; после этого выборы считались законченными. Старый князец еще управлял целый год. Он должен был последний раз отвезти подати исправнику и получить утверждение должности нового князца.

На этом же собрании по указанию нового князья выбирали двух помощников — старшину и десятника. В случае недовольства выборные должностные лица могли сменяться и раньше трехгодичного срока.

В Норильске и на Хатанге ежегодно, в октябре или в ноябре, съезжался народ и все должностные лица, устраивали годовое собрание. При этом три норильских князья долганского, жиганского (или еджанского) и заречного (Донгоот) родов собирались вместе. Устанавливался чум двойного размера, на общественные деньги приобретались олени для угощения собравшихся. На этих собраниях кроме выборов должностных лиц происходили раскладка податей и судебные разбирательства. Интересно отметить, что каждый князец из года в год вносил в казну податей на определенную сумму. Так, у заречного рода числилось сорок четыре податных души. В случае смерти одной из них включали в число податных нового человека из „неподатных“. Размеры податей колебались в зависимости от установок правительства. Князцы на сходках считали собранные подати и назначали сроки для новых взносов. Деньги хранились в общественной коробке. Часто в ней оказывались лишние деньги. Тогда князец спрашивал: „Что делать с деньгами?“. Общество при этом, в большинстве случаев, излишек присуждало князю, реже просило оставить до следующего годового собрания.

Если на собраниях норильских князцов каждый из них производил раскладку податей отдельно, судили вместе. За председателя бывал тот князец, подчиненный которого оказывался обиженным. Князцы садились за стол, надевали кортики, позже нагрудные знаки и каждый перед собою раскрывал „книгу закона“. Суд происходил таким образом: тяжущиеся становились перед князцами и, кланяясь, излагали судьям положение дела. Князья, выслушав их, допрашивали свидетелей и выносили решение. При этом имело большое значение мнение чужеродца или особенно человека, принадлежащего к другой народности, например, тунгуса, русского или тавгийца. Князцы обращались к нему: „Как ты думаешь, гость?“ Мнение „гостя“ играло решающую роль, какое угодно тяжелое преступление прощалось, если этого хотел „гость“. На первый раз прощали, взяв слово с виновного. Получивший прощение молился образам и давал обещание не делать больше такого проступка и пожимал руку обиженного и всех должностных лиц. При этом, подавая руку, обиженный должен был сказать: „Пусть будет так“. Если он не говорил этого и протягивал руку молча, все присутствующие обвиняли его, говоря, что он плохой человек, что он не хочет мириться и, следовательно, жаждет „крови“ и его самого присуждали к наказанию. При вторичном проступке налагали штраф, при третьем применяли телесное наказание — секли. Самым тяжелым преступлением у долган считается присвоение чужой собственности, совершающееся при их исключительной честности, может быть, в десятки лет раз, да и то невинного характера.

Если к князю обращались с жалобами в другое время, в таких случаях он разбирал дело только в присутствии нескольких людей. Если же дело считал серьезным, просил тяжущихся подождать годового собрания.

Князцы были навязаны долганам царизмам и мы не находим о них никаких сведений в более ранних фольклорных памятниках. По существу влияние княз-

цов ограничивалось сборами податей и судебными разбирательствами, сложившиеся веками родовые традиции разлагались под влиянием других более серьезных факторов. Институт князцов оказал большое влияние лишь на исчезновение кровавой мести.

5

Постараемся обобщить сказанное нами. Изложенные выше материалы дают право утверждать существование у долган в прошлом рода. Долганский род характеризовался:

- 1) экзогамией;
- 2) сознанием единства происхождения;
- 3) взаимопомощью;
- 4) родовой мстью;
- 5) взглядам на имущество, как на коллективную собственность;
- 6) общим культом, выраженным наличием родовых святынь;
- 7) наличием культа предков.

Каждый из родов входил в состав одной из фратрий.

На основании известных нам пережитков мы можем утверждать, что и долганское общество прошло стадию материнского рода, но каким образом происходила смена последнего патриархальным, по имеющимся материалам выяснить пока не представляется возможным.

Возникновение частной собственности имело место не на основе владения землей, специфические экономические и природные условия северных оленеводов и охотников требуют непременно кочевой жизни и не закрепляют человека к одной определенной территории.

Хотя разложение рода у долган и началось до появления русских, но в силу малой развитости техники, не привело еще к выделению ремесленников, мы и сейчас не находим таковых, за исключением разве кузнецов, которых, строго говоря, даже и нельзя рассматривать как выделившихся ремесленников; в подавляющем большинстве они занимаются кузнечеством между делом. Отсутствие умения добывать железо и, кроме того, чрезвычайно отсталые технические приемы кузнечества говорят о том, что оно могло появиться у долган или от якутов или от русских.

Территориальное единство родов, входящих в состав фратрии, когда последние стали разрастаться, должно было нарушаться. Причиной к этому послужило, с одной стороны, неудобство охоты при очень больших коллективах, требующих для своего прокормления много продуктов, каковые вряд ли всегда могли быть достаточными в радиусе, используемой коллективом охотничьей территории, которая из-за отсутствия более совершенных средств передвижения не могла быть особенно обширной; с другой — войны, раздроблявшие на части фратрии и роды и смешивавшие между собою членов различных фратрий и родов, территориально совершенно обособленных. Эти же войны привели к обнищанию и вымиранию некогда довольно многочисленного населения.

Появление в крае якутов в XVIII столетии, в результате русских войн, чем мы имели совершенно достоверные исторические сведения, привело

к усвоению их языка долганами вследствие частых смешанных браков. Передав свой язык долганам, однако сами якуты вынуждены были перенять от них сложившуюся веками их северную культуру, хорошо приспособленную к природным условиям данной местности. Об этом красноречиво говорит такое явление, что входящие в состав летних кочевых групп представители других народностей — якуты и тунгусы — подчиняются общим правовым нормам. Вот в чем объяснение того, что до сих пор долгане сумели сохранить пережитки прошлого социального строя.

В сохранившихся до настоящего времени выборных старшинах групп нетрудно видеть „распорядителей имущества“, упоминаемых в предании. Имеем мы также в современном долганском обществе и остатки воинов — „косуунов“. С прекращением войн должность старшего косууна должна была исчезнуть, младшие косууны из воинов переродились в простых охотников и теперь занимающих в силу своих способностей передовое место среди рядовых членов кочевых групп. Предание же говорит нам, что в мирное время косууны занимались охотой, продукты которой, так же как и теперь, распределялись между всеми. Функции шаманов-охранителей, состоявших при старших косуунах, с прекращением войн перешли на рядовых шаманов, которые, как мы видели, и теперь являются охранителями членов рода.

Русские застают долган имеющими уже прирученных животных — оленя и собаку, причем олени не настолько еще многочисленны, как, например, скот у южных сибирских кочевников, поэтому почти исключительно служат средством для передвижения и, только в случае крайней нужды, убиваются для пищи и одежды. Но с усвоением более высокой техники от стоящих выше в культурном отношении русских и якутов, совершается некоторое накопление богатств, в связи с этим прибавляется и имущество. Кочевая жизнь, требующая ежедневных передвижений на довольно значительные расстояния, должна обеспечиваться более многочисленными стадами, чем прежде. Каждая семья, кроме ездовых оленей — верховых и упряжных отдельно — должна иметь специальных охотничьих, затем запасных и, кроме того, следует принять во внимание и культовых оленей, употребляющихся для перевозки „сајтапов“ и при лечении больных, которые больше не для каких других нужд не используются. При таких условиях средняя семья будет считаться обеспеченной, имея минимум 150—200 оленей. Но такое количество оленей среди долган мы находим у весьма немногих, вследствие чего, бережливое отношение к оленю продолжает существовать и до настоящего времени. Не особенно многочисленные накопления оленей (редко более 1000) у отдельных лиц, буквально насчитывающихся единицами, все же оказываются достаточными для появления наемного труда и вызываемой ею эксплуатации.

Владелец большого стада вынужден прибегать к помощи пастухов и расчета пяти человек на тысячу оленей. Пастухов этих можно разделить на три категории: 1) так называемые добровольные пастухи, вынуждаемые к такому занятию бедностью. Они сами приходят к богатому и просят присоединить своих оленей к его стаду и помогать за это в пастьбе. За труд свой они не мнутся от хозяина и получают от него одежду из оленьих шкур и больше ничего не получают; 2) наемные пастухи с осени до „Весеннего Николая“. Хо

обеспечивает их пищей, оленьей одеждой и, смотря по договоренности, дает от четырех до шести оленей и 3) пастухи-сироты, дети опекаемых бедняков, живущие у богатей до совершеннолетия. Они также обеспечиваются пищей и одеждой и получают в год по оленю или по два, смотря по щедроте хозяина.

Как мы уже видели, каждое многочисленное стадо, являясь собственностью отдельного хозяина, является в то же время как бы запасным фондом всей кочующей группы на случай голода. При таком положении зависимость более бедных от богатых также приводит к злоупотреблениям со стороны последних, в смысле эксплуатации, получения даровой рабочей силы.

Таким образом, мы и здесь видим, как накопление богатства неуклонно ведет к экономической зависимости бедных от богатых, тем самым окончательно уничтожая остатки родового строя. Начавшееся до прихода русских разложение рода пошло у долган еще быстрее, когда продукты охоты и оленеводства, до того имевшие только потребительский характер, получили денежное товарное выражение, на ряду с русскими купцами из своей туземной среды выделяются торгаши — перекупщики, агенты первых.

Но родовые традиции не изживаются быстро; введенный русскими институт князцов, как мы уже говорили, мало имел влияния на изменение внутреннего быта долган, не считая уничтожения кровавой мести.

Впрочем не далеко то время, когда совершенно изгладятся пережитки родового строя долган. Экономические преобразования на севере быстро сметают пережитки старого, обмен вытесняется торговлей даже между самыми близкими родственниками. Каждое отделение кооперации и госторга, являясь новым притягательным центром в тундре, в корне изменяет сложившиеся веками традиции. Даже изменяются кочевые территории, местности, ранее не обитаемые становятся обитаемыми и наоборот. Незаслуженно позабытый край, в царское время не имевший ни одной школы, имеет в настоящее время культурную базу — мощный культурный центр.